

ладкою под кроватью, — ну каково это переварить хотя бы Порфирию Петровичу!.. Где ж им переварить!.. Эстетика помешает: полезет ли, дескать, Наполеон под кровать к „старушонке”!» (6, 211). Он и сам не может это *переварить*, не может совладать с *эстетикой*, сам называет себя *эстетической вошью*.

Интонационно-стилистическое богатство речи Базарова значимо не только само по себе, оно является знаком широты его воззрений: фанатик идеи, ортодокс, всецело сосредоточенный на поставленной цели, раз и навсегда сформировавший для себя картину мира и способы ее преобразования, не будет так чутко, адекватно слышать мир и так свободно, многообразно реагировать на него. Нельзя не согласиться с тем, что «монологическое слово Раскольникова поражает своей крайней внутренней диалогизацией и живою личной обращенностью ко всему тому, о чем он думает и говорит»,¹⁵ но невозможно не увидеть и другое: мономан Раскольников слышит только то чужое слово, которое так или иначе сопряжено с его собственным ходом мыслей. В него западает и в нем прорастает исключительно то, что «работает» на его теорию и на его душевные муки, ни о каких стилистических играх или содержательных отклонениях в сторону и речи быть не может.

Базаров же не только сам смотрит на вещи объемно, но и другим предлагает такой подход. Во время дуэли между ним и Павлом Петровичем происходит очень выразительный в этом плане разговор:

« — ...А согласитесь, Павел Петрович, что поединок наш необычаен до смешного. Вы посмотрите только на физиономию нашего секунданта.

— Вам всё желательно шутить, — ответил Павел Петрович. — Я не отрицаю странности нашего поединка, но я считаю долгом предупредить вас, что я намерен драться серьезно. *A bon entendeur, salut!*

— О! я не сомневаюсь в том, что мы решились истреблять друг друга; но почему же не посмеяться и не соединить *utile dulci*? Так-то: вы мне по-французски, а я вам по-латыни» (8, 352).

Такое ощущение альтернативности бытия, такое диалектичное, вменяемое отношение к жизненным явлениям достаточно неожиданно в *нигилистe*, но Базаров весьма неоднозначный нигилист: то серьезный и умный критик существующих порядков, то задиристый демонстратор нигилистических «принципов».

Как идеолог, Базаров ускользает от окончательных определений, и в его случае аттестация «нигилист», которая за пределами романа обретет однозначность, во-первых, преимущественно соответствует Аркадиевой расшифровке — тот, кто *ко всему относится с критической точки зрения* (что, совершенно очевидно, не равно огульному отрицанию, в котором его заподозрил Павел Петрович), а во-вторых, имеет весьма расширительный, хотя и радикальный в политическом своем аспекте смысл. Как человек, Базаров не сводим к своей идеологической начинке, не равен своим идеям, тем более что они, как уже сказано, достаточно разноречивы, и в этом смысле он, безусловно, кардинально отличается от Раскольникова.

Называя идею «центральным мыслеобразом Достоевского», А. Штейнберг, еще до М. Бахтина, писал: «Люди Достоевского — воплощенные философские системы (...); это люди, для которых мировоззрение стало судьбою».¹⁶ В ситуации, когда герой одержим идеей, которую он бесконечно прокручивает в уме, многократно излагает собеседникам и рано или поздно

¹⁵ Бахтин М. Указ. соч. С. 39.

¹⁶ Штейнберг А. З. Система свободы Достоевского. Paris: YMCA-PRESS, 1980. С. 37, 39. Впервые издано в 1923 году.